

*Посвящаю эту книгу трем Робертам,
Эндрю и их мамам*

Слова благодарности

Мне практически незнакомо ощущение, когда таких слов не хватает. Но порой ими невозможно выразить всю глубину благодарности и признательности, которую ощущаешь, когда проект, находившийся в стадии созревания так долго, наконец воплотился в жизнь. В первую очередь упомянутые слова должны касаться профессора Уильяма Цуцуи, преподавателя японской истории в Университете Канзаса в прошлом и преподавателя истории и декана Колледжа гуманитарных и естественных наук Дедмана в Южном методистском университете в настоящий момент. Я в неоплатном долгу перед Биллом — моим учителем, наставником и другом, ведь без его мудрости, советов, руководства, критики, поддержки и дружбы я не был бы тем, кем являюсь сейчас. То, что я оказался единственным аспирантом, обучавшимся у него с самого начала, — предмет моей особой гордости, а также огромного сожаления.

Биллу я обязан столь многим, что это не подлежит никакому сравнению, однако мой долг благодарности по отношению к другим людям также слишком велик для того, чтобы просто перечислить их здесь. И пусть в той или иной ситуации слова часто оказываются бессильны, даже просто произносить такие слова — уже важно и значимо; поэтому позвольте мне выразить здесь с их помощью хотя бы сотую долю моей благодарности.

В начале моего академического пути меня поддерживали, вдохновляли и помогали мне советом очень многие люди. Среди них следует особо отметить профессора Питера Х. Кросби, Университет штата Нью-Йорк в Олбани, факультет истории,

профессора Дональда Тёрстона, Юнион-колледж, факультет истории, и профессора Стива Либо, Колледж Рассела Сейджа, факультет истории. Послужной список профессора юридического факультета Токийского университета Китаоки Синъити длинный и впечатляющий: помимо прочего, он был представителем Японии в ООН; профессор Китаока стал моим научным руководителем во время моей годовой стажировки в Японии по программе Fulbright. Профессора́ Теодор Уилсон, Дэниэл Х. Бэйс, Норман Саул и Эрик Рат (факультет истории), а также Уильям Сэмондис (факультет истории искусств) и Элейн Герберт (факультет восточноазиатских языков и культур) сыграли неоценимую роль в процессе подготовке моей докторской диссертации в университете Канзаса.

Занимаясь исследовательской работой, я пользовался многими библиотеками и архивами и получал всемерную поддержку специалистов этих учреждений. Я особенно благодарен Митико Итии из Восточноазиатской библиотеки университета Канзаса и Ральфу Кортни из университета Аляски в Анкоридже. Сотрудники библиотеки Консорциума (Университет Аляски в Анкоридже), библиотеки Уотсона (Университет Канзаса), библиотеки университета штата Нью-Йорк в Олбани, библиотеки Токийского университета, библиотеки юридического факультета Токийского университета, библиотеки университета Иокогамы, библиотеки префектуры Канагава (Иокогама), муниципальной библиотеки Иокогамы (основное отделение и отделение в Ходогая-ку), а также библиотек университетов Индианы, Гавайев и Виргинии предоставили мне очень важную помощь. Равным образом крайне значимое содействие мне оказали архивисты различных учреждений — прежде всего, Центра современных японских юридических и политических документов юридического факультета Токийского университета. Специалисты отдела современной японской политической истории Национальной парламентской библиотеки, а также Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет) и архива Института изучения войны вооружённых сил США в Карлай-

ле, Пенсильвания, также внесли неоценимый вклад в моё исследование.

Однако доступ к вышеперечисленным материалам не принес бы никакой пользы, если бы не работа преданных своему делу людей, поднявших мое знание японского языка до должного уровня. Особую благодарность я выражаю руководимому на тот момент Кеном Батлером Межуниверситетскому центру изучения японского языка к Иокогаме, а также сенсеям Татематсу и Татеоке, Танаке Дзюнко и Ёсиде Тиэко. Дональд Кинан и сенсеи Насимура и Ямамото из уже закрывшегося, к сожалению, Летнего института восточноазиатских языков также заслужили мою особую признательность.

Мой проект не смог бы осуществиться без щедрой финансовой поддержки. Институт международного образования (USIA Fulbright) при Японо-американской межправительственной комиссии по вопросам образования оплатил мне год исследовательской работы в Японии. Программа изучения иностранных языков и регионоведения при Департаменте образования США и Центр восточноазиатских исследований при Канзасском университете выделили средства на моё обучение японскому языку. Поддержка в форме стипендии Эдди Джейкобсена на международное образование также была любезно оказана Фондом добрых соседей Гарри С. Трумана. Я убедил отдел аспирантуры Канзасского университета выделить мне грант на подготовку диссертации с помощью неопровержимого аргумента: если я напишу диссертацию и закончу аспирантуру, то больше не буду просить у них денег! Благодаря учебной поездке 2006 года по программе Fulbright я смог прогуляться по улицам Владивостока и Хабаровска и доехал по Транссибирской магистрали до Благовещенска. Гранты на исследовательские поездки от университета Аляски в Анкоридже позволили мне посетить множество полезных мероприятий, которые спонсировала Программа развития азиатских исследований Центра Восток-Запад под управлением Бетти Бак, Питера Хёрсхока и Роджера Эймса. Следует особо отметить их Институт корейских иссле-

дований (Эдвард Шульц и Чонмин Со), который помог мне ликвидировать значительный пробел в знаниях. В высшей степени полезным для меня оказался состоявшийся при поддержке Национального фонда гуманитарных наук летом 2002 года семинар Питера Носко, посвящённый современности, предсовременности и постсовременности в Японии.

Наконец, я никогда бы не смог воплотить свой проект в жизнь без поддержки и энтузиазма моей семьи и друзей. Количество поддержки и вдохновения, которые я от них получил, не подлежит сортировке по степени важности, но здесь невозможно не упомянуть таких замечательных коллег, как Дидди Хичинс, Кэдмон Либурд, Стив Хэйкокс, Уилл Джейкобс, Билл Майерс, Лиз Деннисон, Сонхо Ха, Расс Хаувелл и Беки Джеймс; друзей из академического сообщества и не только — Майка Макнила, Реджину Джонсон, Дейва Альбрехта, Брента Джонсона, Билла Хо, Мари Келлехер, Билла Флаэрти, Ричарда Хьюза, Джефа Бабба, Джерри Морлока, Уилла Хансена, Рэико Танака, Карла Кима, Роджера Брауна, Барака Кушнера и Лори Уатт — следует особо отметить за их помощь, советы и поддержку. И моя исключительная благодарность Маюми Сато и всей её семье — гостеприимным хозяевам и добрым друзьям.

Отредактированная часть моей диссертации появилась в «Журнале японских исследований» (зимний выпуск 2006 года) под названием «Дерзкий вызов народу: критика японской интервенции в Сибири, 1918–1922 в массовых периодических изданиях». С одной стороны, это свидетельствует о том, что хороший заголовок придумать непросто, а с другой — о том, что моя работа не вышла бы в свет без участия таких людей, как Джон Уиттиер Трит, один из редакторов «Журнала», и особенно Марта Уолш, его главный редактор. Фрагменты той рукописи использованы здесь с разрешения редакции. Карту на фронтисписе любезно предоставило издательство Вашингтонского университета. Александр Джейкобс оказал неоценимую помощь в подготовке алфавитного указателя. И в заключение я хотел бы поблагодарить Майкла Сисскина, Джастина Рейса и команду издательства

«Lexington Books» за то, что они помогли мне исполнить мою давнюю мечту.

Мой долг благодарности копился в течение многих лет, поэтому я прошу прощения, если забыл или в недостаточной степени отметил тех, кто заслужил мою признательность. Безусловно, достоинства этой книги — заслуга не только моя, но и всех, кто мне помог; за её недостатки отвечаю я один.

Введение

«Пусть все увидят, что мы можем содействовать цивилизации»

Значение японской интервенции в Сибири

Начать стоит с того, чем эта книга не является. Она не есть продолжение замечательной работы Джеймса Морли «The Japanese Thrust Into Siberia» [Morley 1954], узкоспециализированной монографии, которая исследует дипломатические процессы, положившие начало интервенции, и намерения стоявших у её истоков японских политиков и чиновников. Подобное исследование интервенции в целом заполнило бы значительную историографическую лакуну, однако более обширные и актуальные для нынешних историков Японской империи вопросы остались бы при этом без ответа¹. Историей японской кампании в Сибири

¹ Другими словами, однотомной работы, исследующей японскую интервенцию в Сибири во всей её полноте, не существует. Японские исследователи интервенции фокусируются на её начале и почти полностью игнорируют её завершение. «Shiberia Shuppei Shiteki Kenkyū» Хосоя Тихиро, второе издание [Hosoya 1976], заканчивается на событиях августа 1918 года. Книга «Roshia Kakumei to Nihonjin» Кикучи Масанори [Kikuchi 1973] излагает лишь то, что происходило в 1917 году. Та же тенденция прослеживается и в «Shoki Shiberia Shuppei no Kenkyū» Изао Томио [Izao 2003]. Ближе всех к полному освещению интервенции подошёл в книге «Shiberia Shuppei: Kakumei to Kanshō» Хара Тэруюки [Hara 1989], но событиям после 1920 года он посвятил только одну главу. Вывод японских войск из Сибири подробно рассматривает в книге «Taishō Seijishi» только Синобу Сэйдзабуро [Shinobu 1968], но

данная книга также не является. Эту кампанию можно считать ранней версией того, что в армии Соединённых Штатов Америки называется «военными операциями, отличными от войны» (MOOTW) [Dunscomb 2003]. К ним относится долгосрочное размещение в регионе войск с целью достижения там стабильности, обычно при взаимодействии с местными властями и неправительственными организациями; военные действия при этом возможны, однако не являются главной целью. К тому же подобная научная работа была бы полезна не столько историкам-японистам, сколько военным историкам. По той же причине мою книгу нельзя назвать и историей японской армии². Наконец,

его работа сильно ограничена концептуальными рамками марксизма. Как ни странно, наиболее полное описание интервенции содержится в разножанровом четырёхтомном романе Такахаси Осаму «Hahei» [Takahashi 1973–1977]. Даже журнальные статьи гораздо больше обсуждают то, как японцы попали в Сибирь, чем то, как они оттуда ушли. Единственная статья по теме вывода войск из Сибири, «Shiberia Terpei Seisaku no Keisei Katei» Момосэ Такаси [Momose 1984], рассказывает о событиях мая 1921 года, а не 1922 года, когда японцы действительно вывели войска из Сибири.

Книга Морли является единственным англоязычным источником, полностью посвящённым данным событиям японской истории, но, как и Хосоя, Морли заканчивает своё повествование на том моменте, когда нога первого японского солдата ступает на землю Сибири. Остальные публикации касаются Японии в лучшем случае лишь косвенно, и ни одно из них не сравнится по своей полноте с исследованием Морли. Характерными примерами являются следующие работы: «The Siberian Intervention» Джона Альберта Уайта [White 1950], исследования Джорджа Ф. Кеннана «Soviet American Relations, 1917–1920: Russia Leaves the War», том 1 [Kennan 1956] и «Soviet American Relations, 1917–1920: The Decision to Intervene», том 2 [Kennan 1958], «America's Siberian Expedition, 1918–1920» Бетти Миллер Унтербергер [Unterberger 1956], «The Republic of the Ushakovka: Admiral Kolchak and the Allied Intervention in Siberia, 1918–1920» Ричарда М. Коннетона [Connaughton 1990] и «Stillborn Crusade: The Tragic Failure of Western Intervention in the Russian Civil War, 1918–1920» Ильи С. Сомина [Somin 1996]. Только статья Денниса Смита «The End of Japan's Siberian Adventure: Withdrawal From the Maritime Province, 1921–1922» [Smith 1986] в общих чертах рассматривает именно японскую часть интервенции.

² Подобный труд был бы излишним, ведь уже существует книга Эдварда Дри «Japan's Imperial Army: Its Rise and Fall, 1853–1945» [Drea 2009], которая замечательно справилась с этой задачей.

книга практически не касается того, как интервенция в Сибири повлияла на жизнь русских людей, в интересах которых она якобы проводилась. Подобные исследования существуют [Smith 1975], и данную тему можно развить и дальше, но специалистам по японской истории это поможет лишь косвенно.

Прежде чем объяснять, что же всё-таки представляет собой данная книга, стоит поразмышлять вот над каким вопросом: почему более 50 лет с момента выхода фундаментального труда Морли никто не писал на эту тему? Вероятно, люди видели в интервенции отдельный, не слишком поучительный эпизод японской довоенной истории и сбрасывали его со счетов. Интервенция не следует логически из истории Русско-японской войны 1904–1905 годов, и её бесславное завершение по истечении четырех лет ничего Японии не принесло. Зачем описывать этот туманный эпизод, пример полного краха, если можно припасть к более благодатному источнику? Возможным представляется и то, что люди просто не знали, как распутать все хитросплетения этого сюжета в более широком историческом контексте, с которым она неразрывно связана. Интервенция в Сибири — часть истории завершения Первой мировой войны, российской революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны, она связана со стремлением японских экспансионистов достичь господства в регионе посредством создания континентальной империи. Рассказать об интервенции и не погрязнуть в этих смежных нарративах может показаться невыполнимой задачей.

Всё осложняется тем, что Сибирская интервенция — это не только про внешнюю политику Японии. Она имеет отношение и к развитию японской внутренней политики в условиях конституции Мэйдзи. Любая тема, связанная с обретением и защитой заморских владений Японии, неизбежно затрагивает вопросы внутренней политики страны и развития её политических институтов. Они прочно связаны между собой, и вот почему: за существование империи приходится платить. Увеличение военного бюджета заставило японских военных вести переговоры и торговаться с другими политическими силами с тем, чтобы обеспечить необходимые средства. Получение этих средств

обеспечивалось повышением налогов, что, в свою очередь, возмущало обычных японцев. В обмен на увеличение налоговой нагрузки они стали требовать права участвовать в политическом процессе.

Японская империя не была создана «в припадке безумия», как было сказано о Британской империи. Не только множество японских военных, но и политики, чиновники, вольные искатели приключений (так называемые материковые *rōnin*), интеллектуалы и многие другие долго и усердно работали над приобретением, расширением и обоснованием прав Японии на заморские владения. Отчасти ими двигало следующее наблюдение: в конце XIX века государства либо колонизировали, либо колонизировались. Поскольку Япония намеревалась стать сильным современным государством, ей не оставалось ничего, кроме как пойти по пути империи. Однако и оппортунизма в таком движении тоже было немало, особенно в самом его начале. Только после формального присоединения в 1910 году Кореи центр внимания империи не до конца уверенно переместился в Северо-Восточный Китай. После этого пройдет ещё более десяти лет, прежде чем представление о Маньчжурии как о жизненно важном ресурсе Японии укоренится в общественном сознании.

Мысль о необходимости иметь заморские владения получила в Японии широкое признание довольно рано. Почти сразу после начала модернизации страны в 1868 году был достигнут широкий консенсус в отношении того, что Япония должна быть не просто современным государством, но таким же современным, как великие державы того времени. Кроме всего прочего, это подразумевало обладание заморскими владениями [Dickinson 1999: 5]. Именно статус империи и возможность достигать с его помощью всё большей степени «цивилизованности» постепенно стали служить доказательством передового положения Японии в большей мере, чем другие аспекты её политического, экономического и социального развития.

Только в середине 1980-х учёные начали всерьёз рассматривать Японию в качестве колониальной империи [Myers, Peattie 1984]. С начала 1990-х годов растёт количество исследований, которые

демонстрируют ключевую роль заморских владений в представлениях японцев о своей стране как о современном государстве; очевидна и тесная связь колониальной экспансии Японии с её внутренней политикой — движущей силой расширения империи. Это представление, впервые блестяще зафиксированное Эндрю Гордоном, состояло в двойственном восприятии Японии как империи городским рабочим классом и элитой: с одной стороны, верховная власть императора, с другой — необходимость сохранять заморские владения для обеспечения безопасности Японии и доказательства её модернизации [Gordon 1991]³. Предпринятые после этого исследования лишь углубили наше понимание данного явления. Роберт Эскильдсен показал, что подобное представление о японском империализме можно проследить ещё в карательной экспедиции 1874 года на Тайвань [Eskildsen 2002]. Стюарт Лоун, Ирокава Даикити и Банно Дзюндзи продемонстрировали, что заморские завоевания Японии воспринимались страной как показатель успеха всего проекта её модернизации [Irokawa 1985; Lone 1994; Bannō 1996]. Благодаря работе Луиз Янг мы можем сделать вывод о том, что развитие в 1930-х годах Маньчжоу-Го являлось не только ключевым фактором в притязаниях Японии на статус передового государства, но и своеобразной «литейной мастерской», в которой выплавлялась модель современной Японии [Young 1998]. Барак Кушнер показал, что значительная часть как государственной, так и частной пропаганды во время «пятнадцатилетней войны» была нацелена скорее не на получение поддержки общества для победы в войне, а на внедрение мысли о том, что победа дает возможность создать империю и доказать успех модернизации Японии раз и навсегда [Kushner 2006].

Любопытно вот что: несмотря на ключевую роль империи в представлениях японцев о своей стране как о современном государстве, энтузиазм масс и их интерес к имперскому проекту оказались на удивительно низком уровне. Как отметил Мариус

³ Эта идея также лежит в основе его повествования о Японской империи в [Gordon 2003].

Янсен, «не было никаких японских Кипплингов, почти не упоминалось загадочное японское всемогущество и почти отсутствовало общенародное самовосхваление» [Jansen 1984: 76]. Действительно, самая поразительная черта имперского проекта Японии — почти повсеместная двойственность отношения к нему общества. Работа Эндрю Гордона показала, что японский рабочий класс не желал платить за империю без права на участие в управлении ей. Стюарт Лоун, Ёсихиса Так Мацусака, Питер Дуус, Китаока Синъити и другие продемонстрировали, что изначально приобретение заморских колоний было абсолютно спонтанным предприятием, при этом деловые и политические элиты не имели особого желания зарабатывать там состояние [Lone 2000; Matsusaka 2001; Duus 1995; Kitaoka 1978]. По данным Луиз Янг и Майкла Льюиса, даже после того, как Маньчжурия стала считаться жизненно важным ресурсом Японии, убедить японских промышленников и простых фермеров начать в предполагаемой кузнице японской модернизации новую жизнь было по-прежнему трудно [Young 1998; Lewis 2000].

Возможно, по причине такой амбивалентности, отношения к империи как к необходимости и вместе с тем как к бремени, которое никогда не окупится, в 1945 году японцы наблюдали за полной её ликвидацией без единого слова протеста. При этом их не покидают некоторая ностальгия по экзотическим *Nan'yō*⁴, полученным от Германии после Первой мировой войны островным территориям в южных морях [Lone 2000: 188; Igarashi 2006], и уверенный ирредентизм в отношении «Северных территорий», окутанных туманом островов к северу от Хоккайдо, перешедших в конце Второй мировой войны Советскому Союзу⁵. И все же утрата после войны Тайваня, Кореи, южного Сахалина и Мань-

⁴ Южный Тихоокеанский мандат (яп. 南洋庁, Нанъё:-тё:) — мандатная территория, переданная Лигой Наций в продолжавшееся с 1919 по 1947 год управление Японской империи после поражения Германской империи в Первой мировой войне. — *Примеч. ред.*

⁵ И хотя в [Kurono 2005: гл. 7 *passim*] нет ни малейшей симпатии к руководству Японией военного времени, ощущается расстройство, вызванное «предательством» Сталина.

чжурии не вызвала никакой печали или тоски, зато, как показала Лори Уотт, *hikiagesha* (живое наследие колониализма, японцев, репатриированных из-за границы в конце войны) старались обходить стороной. «Когда империя покидала Японию, она была маскулинной и боевой, но, вернувшись домой в 1946 году, она оказалась феминной и превращённой в жертву, её пытались “исцелить” от иностранных влияний и хотели забыть о ней навсегда» [Watt 2009: 124].

Тем не менее, несмотря на амбивалентность по отношению к империи, японцы довоенного периода не представляли себе Японии без неё. Однако имелось в этом и одно немаловажное исключение: Первая мировая война и время непосредственно после неё. Фредерик Дикинсон называет это время «одним из главных водоразделов в японской истории» наряду с реставрацией Мэйдзи 1868 года и оккупацией Японии союзными войсками [Dickinson 1999: xvi]. В своей работе он показал, что многие японцы посчитали порождённую войной (и, в частности, кризисом центральной власти в России) неустойчивую стратегическую ситуацию в Восточной Азии идеальной возможностью достичь регионального превосходства. Более того, вызванный войной экономический рост означал, что у Японии появился уникальный шанс овладеть ресурсами, необходимыми для превращения страны в военную державу мирового уровня. И, хотя в первую очередь это являлось делом японских военных, многие присоединились к ним в мечтах и попытках реализовать планы, которые в своём логическом завершении должны были обеспечить японский контроль над всем Китаем и превратить Японию в военную диктатуру. И действительно, амбициозные проекты того времени мало отличались по содержанию и объёму от программ, в действительности реализованных армией в 1930-х годах⁶. Однако плоды этих отчаянных усилий оказались довольно скромны, и когда война закончилась, престиж японской армии безмерно упал. Это случилось потому, что некоторые японцы воспользовались послевоенной нестабильностью для

⁶ Для сравнения: [Barnhart 1987].

того, чтобы предаваться собственным фантазиям. Их предполагаемое преобразование Японии полностью игнорировало планы милитаристов, в особенности после революции 1917 года в России и вхождения в конфликт Соединённых Штатов Америки. Именуемая японцами *sekai taisei* (ситуация в мире) победа Антанты и примкнувших к ней государств над Австро-Венгрией и Германской империей свидетельствовала об исторической трансформации. Мнимое торжество либеральной демократии над милитаристской автократией и предполагаемое растущее влияние нового стиля интернационализма от Вудро Вильсона, сформулированного в его известных «Четырнадцать пунктов» (названных в Японии *jikan no sūsei* — «тенденции времён»), заставили многих японцев переоценить привычную парадигму своей страны как современного государства. Для описания современной государственности у недовольных имперским проектом вдруг появился новый язык: такая государственность не завязана на империю и милитаризм, но, скорее, представляет собой демократическое, определяемое конституцией правительство, действующее по отношению к другим государствам в духе сотрудничества, а не завоевания.

Книга, которую вы держите в руках, рассматривает Сибирскую интервенцию как возможность рассказать о попытке дать Японии именно такой вектор развития. Сибирская интервенция воспринималась многими японцами как пробный камень их способности адаптироваться к порожденным новым мировым порядком тенденциям времени. Конечно, в этом имеется и межгосударственный, и внутрисполитический аспект. Став в 1919 году в Версале частью «Большой пятёрки», а затем и «Большой тройки» на Вашингтонской конференции 1921–1922 годов, Япония обеспечила себе место среди великих держав — *rekkoku*. В результате многие в стране считали, что ее действия в материковой части Азии должны по-прежнему защищать «высшие интересы» Японии в Маньчжурии, но при этом акценты должны быть смещены таким образом, чтобы избежать конфронтации с Великобританией и Соединёнными Штатами. Однако немало было и таких, чьё представление о современном государстве основы-

валось на примере дискредитировавшей себя к тому времени Германской империи: они продолжали держаться старой идеи о государственном строительстве путем завоеваний и верили в необходимость овладеть ресурсами Восточной Азии на случай неизбежного, с их точки зрения, противостояния англо-американским силам [Matsusaka 2001: 227–229; Dickinson 1999: 21–23]. Ход Сибирской интервенции и связанные с ней зачастую противоречивые действия японцев отражают такое разобщение; на правительственном уровне оно выразилось, прежде всего, в борьбе между гражданским, партийным кабинетом премьер-министра Хара Такаси (Кей) и генеральным штабом вооружённых сил под руководством Уэхары Юсаку.

Значимость интервенции на внутригосударственном уровне определялась и тем, что она должна была показать, способно ли «демократическое» правительство действовать в соответствии с волей народа. Разрешение Харе Такаси сформировать в 1918 году первый кабинет министров из членов политической партии было отчасти обусловлено необходимостью смягчить народный гнев, вызванный «рисовыми бунтами». В свою очередь «рисовые бунты» в известной степени являлись порождением Сибирской интервенции. Появление «ответственного» правительства подарило многим в Японии надежду на то, что общественному мнению о внешней политике будет уделяться большее внимание. Однако правительство Хара не могло подчинить себе генеральный штаб вооружённых сил. Несмотря на призыв многих японцев к полному выводу войск из Сибири, армия настаивала на продлении японского присутствия на этой территории даже после ухода оттуда в 1920 году американцев. И хотя Хара смог сократить масштаб интервенции и получил принципиальное согласие армии на полный вывод войск в мае 1921 года, присутствие японских войск продолжалось до октября 1922 года.

Эта книга — первая хроника Сибирской интервенции. В ней не только собраны истории главных действующих лиц японской политики, но и представлены голоса множества людей, комментировавших ход интервенции в газетах и журналах того периода в надежде отразить атмосферу времени. Политика в отношении

Сибири, очевидно, не могла реализовываться сама по себе: в целом японцы хорошо себе представляли действия, которые намеревалось совершить в Сибири правительство, активно обсуждали в открытом общественном пространстве достоинства различных идей и вовсе не стеснялись выдвигать собственные предположения о том, что должно быть сделано. Таким образом, общество влияло на выбор различными представителями правящего класса Японии политического курса. И комментарии по поводу вторжения в газетах и журналах (они находятся в центре моего внимания), и политические дебаты в Парламенте Японии, и реакция обычных японцев, жителей больших городов и небольших поселений, в которых располагались военные гарнизоны, откуда солдат отправляли в Сибирь, — всё говорило о полном разочаровании общества не только в интервенции, но и в военном и гражданском руководстве страны.

Если коротко, то опыт японской интервенции в Сибири крайне негативно сказался на первоначальном, вызванном демократией воодушевлении в конце Первой мировой войны. Бессилие демократического правительства выполнить волю народа и неспособность японского гражданского общества добиться значимых изменений привели защитников демократии в уныние. Здесь можно провести аналогию с Европой, где в то же самое время быстро иссяк первоначальный энтузиазм по отношению к «демократии» и «конституционализму» [Mazower 1998]. При этом очевидная для многих непокорность императорской армии и её неспособность извлечь из операции в Сибири значимую выгоду в той же мере повредили репутации вооружённых сил. Что ещё хуже, считалось, что односторонние действия армии наносят вред международному положению и престижу Японии, выставляя её «милитаристским» государством, не способным на ответственное поведение в новой международной обстановке.

Поэтому главной задачей обоих лагерей до конца 1920-х годов стало восстановление общественного доверия. Защитникам демократии нужно было показать, что партийное правительство может быть чутким к воле народа и способным на осуществление таких долгожданных позитивных изменений, как введение

всеобщего избирательного права и решение экономических проблем городской и сельской бедноты. Для тех, кто выступал за расширение границ империи даже ценой конфронтации с другими странами, было важно вновь обозначить центральное место имперской составляющей в жизни Японии как современного государства. Партийные кабинеты в целом не смогли убедить публику в том, что они справляются с решением стоящих перед ними задач, при этом защитники имперской экспансии старались объединить общество под своими знамёнами. Всё это подготовило почву для того, чтобы в 1930-х годах в центре внимания оказались сторонники империалистских и авторитарных взглядов.

Глава 1

«На любой вкус»

*Хаос и многоголосие в японской политике,
1890–1917*

Политическая система Японии задумывалась как олигархия, однако олигархи эпохи Мэйдзи оказались неспособны действительно организовать именно такую систему управления. С самого начала правления Мэйдзи своего участия в управлении обновлённой страной потребовали другие политические силы. Олигархам оказалось удобно если не передать часть своих полномочий политическим аутсайдерам, то, по крайней мере, привлечь их на свою сторону обещанием участия в государственных делах, пусть и чисто символического. Первая часть императорской программы «Клятва пяти пунктов», опубликованной 6 апреля 1868 года, уверяла, что управление страной будет происходить с учётом общественного мнения. Однако данный пункт являлся не обещанием демократии, а попыткой успокоить княжества, опасавшиеся того, что новый сёгунат под управлением княжеств Сацума и Тёсю окажется мгновенной заменой недавно упразднённого сёгунату Токугава. План сработал. Княжества были успокоены (и вскоре упразднены), а доминирование олигархов союза Саттё продолжилось и в XX веке.

При этом за каждую победу приходилось платить. За подавление каждой оппозиционной группы, за закрытие или контроль каждой способной на критику общественной площадки приходилось подкупать хотя бы часть оппозиции, скармливая ей крошки политического влияния [McClain 2002: 190]. Шли деся-

тилетия, и постепенно прерогативы олигархов ограничивались, их влияние сокращалось. В процессе их старения и ухода со сцены японской политики, на этой сцене появлялись новые и могущественные действующие лица. По причине того, что и сцену, и правила игры на ней создали олигархи, они оставили своим преемникам очень небольшой набор политических приёмов и речей [McClain 2002: 203]. Но это их не спасло. Когда в октябре 1922 года Сибирская интервенция завершилась, от власти олигархов не осталось и следа.

В 1880 году к числу олигархов можно было отнести примерно дюжину людей, самыми влиятельными из которых, несомненно, были Ито Хиробуми и Ямагата Аритомо. Они действовали согласованно и держали внутреннюю и внешнюю политику Японии под контролем. И хотя они делали всё возможное для того, чтобы передать своим ставленникам созданную ими политическую систему в «первозданном» виде, у них ничего не получилось. Причин тому немало, и многие из этих причин обозначены в документе, который должен был узаконить власть олигархов и очертить границы допустимой политической эволюции, однако более чем что-либо другое определил развитие японской политики и передал оппозиции часть власти. Речь идёт о конституции Мэйдзи 1889 года.

В конце 1870-х годов зародилось «движение за свободу и права человека» (*jiyū minken undō*) — первая волна агитации за более значимое участие населения в политической жизни страны. Основателями этого движения были в основном бывшие самураи и крупные сельские землевладельцы; именно они добились обещания даровать конституцию. Процесс её разработки возглавлял Ито Хиробуми. Создание выборного, пусть и с узким кругом избирателей, органа власти — Национального парламента Японии — представляло собой уступку защитникам прав человека, однако Хиробуми сумел сильно ограничить его полномочия путём передачи власти другим конституционным и внеконституционным органам [Окамото 2003: 21–22; Gluck 1985: 75–78].

Между строк в тексте конституции просматривалось положение о том, что центральным органом власти в новой политической

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru